

ПРЕДИСЛОВИЕ

DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7-18-26

О.А. Богданова

Художественные смыслы русской усадьбы¹

Сведения об авторе: Богданова Ольга Алимовна (Москва, Россия), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН). ORCID ID: 0000-0001-7004-498X. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация: В предисловии раскрывается концептуальная основа коллективной монографии «Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+» — третьего выпуска научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», а также дается обзор тематики и проблематики содержащихся в нем статей. Намечаются перспективные направления дальнейшей работы в рамках серии.

Ключевые слова: серия «Русская усадьба в мировом контексте», третий выпуск, литература Серебряного века, литература советского периода, литература рубежа XX–XXI вв., «усадебный топос», поэтика «усадебных» произведений.

Olga A. Bogdanova

Artistic meanings of the Russian estate

Information about the author: Bogdanova Olga Alimovna (Moscow, Russia), DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS). ORCID ID: 0000-0001-7004-498X. E-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract: The Preface reveals the conceptual basis of the collective monograph “The phenomenon of the Russian literary estate: from Chekhov to Sorokin+” — the third issue of the scientific book series “Russian estate in the world context”, it also provides an overview of the topics and problems of the articles contained in it. Promising areas for further work in the series are outlined.

Key words: series “Russian estate in the world context”, third issue, literature of the Silver age, literature of the Soviet period, literature of the turn of the XX–XXI century, “estate topos”, poetics of “estate” works.

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–18–00129) «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Насколько можно судить, предлагаемая читателю книга не имеет аналогов в отечественной науке, с одной стороны, благодаря своему глубоко литературоведческому подходу к феномену усадьбы в русской словесности, с другой — в связи с панорамным охватом усадебно-дачной проблематики на протяжении почти полутора столетий (с конца XIX по начало XXI в.) в творчестве более 60 авторов (от М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Плещеева и А.А. Фета до М.П. Шишкина, В.Г. Сорокина и Е.Г. Водолазкина). Конечно, их соответствующие тематике нашего издания произведения рассмотрены с разной степенью подробности, однако на данном этапе нам важен сам факт привлечения этих персоналий к исследованию усадебного и дачного топосов. Что касается литературоведческого подхода, то он, как правило, присутствует в многочисленных моноисследованиях по «усадебной» тематике: индивидуальных монографиях, диссертациях, отдельных статьях. Так как исчерпывающий обзор научно-исследовательских работ по литературоведческому «усадебоведению» не входит в задачи настоящего предисловия, ниже мы кратко остановимся лишь на изданиях, близких к нашему по структуре, — тематических сборниках и коллективных монографиях.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что, минуя в целом уже неплохо изученный в российской науке «усадебный текст» первых двух третей XIX в., анализу в нашей книге подвергается, с одной стороны, литература рубежа XIX–XX вв., современная закатному историческому часу классической «усадебной культуры», с другой — художественные произведения, созданные в советские и постсоветские годы. Последняя особенность придает изданию не только тематическую, но и концептуальную новизну, так как впервые обнаруживает культуротворческую роль русской помещицы усадьбы уже после окончательного разрушения ее привычных форм в годы Первой мировой войны, революций 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. В литературе 1920–2010-х гг. можно выявить такие модификации «усадебного топоса», как город-сад, усадьба-музей, сельскохозяйственная кооперация, усадьба-коммуна, усадьба-санаторий, усадьба — дом творчества, усадьба — дом отдыха, усадьба — научный центр, образовательно-производственный комплекс, усадьба-дача, усадьба-отель и т. п.² В результате выясняется, что усадьба как активно-творческая социокультурная среда продолжала и продолжает оказывать заметное, а в ряде случаев определяющее (например, в романе «Авиатор» Е.Г. Водолазкина) воздействие на моделирование личности персонажей, формирование их системы ценностей и поведенческих стратегий.

² Подробнее см.: *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 20–21.

И все же главный вес книге придает не столько широта анализируемого материала, сколько целенаправленность в выработке новой и применении уже существующей методологии и системы категорий литературоведческого анализа. В самом деле, если обратиться к наиболее авторитетному в области «усадьбоведения» проекту — ежегодным сборникам «Русская усадьба», которые уже почти 30 лет выпускаются возрожденным в 1992 г. Обществом изучения русской усадьбы, — то увидим, что наша коллективная монография заметно выделяется на этом фоне интересом именно к литературной усадьбе как таковой, т. е. к изображению усадьбы в произведениях словесности. И это неудивительно, так как сборники ОИРУ создавались прежде всего как историческая, искусствоведческая и культурологическая рефлексия о русской усадьбе, к которой присоединились гуманитарно-географические, краеведческие и музеологические исследования. Хотя на страницах сборников и появлялись подборки статей под заглавиями «Усадьба и русская литература»³ и «Русская усадьба в художественной литературе»⁴, в большинстве этих безусловно интересных работ не ставилось целью исследовать особенности и динамику «усадебного топоса» как элемента поэтики художественного произведения — на литературном материале их авторы, как правило, стремились к решению краеведческих, биографически-генеалогических или историко-реставрационных задач. Например, искусствоведа тот или иной роман был прежде всего интересен как свидетельство очевидца для воссоздания аутентичного архитектурного облика старинной усадьбы, историку — как отражение ускользнувших от взгляда предшественников деталей повседневности изучаемой эпохи, краеведа — как фиксация специфических особенностей исследуемой местности, географу — как срез культурного ландшафта или описание утраченного природного окружения, социологу — как наглядный пример исторически обусловленных взаимодействий между людьми...

Напротив, для авторов нашей коллективной монографии изображенная в литературном произведении усадьба имеет самостоятельную эстетическую ценность и не является средством восстановления забытого или утраченного эмпирического облика своего прототипа. Другими словами, мы не смотрим *сквозь* литературное стекло, пытаясь разглядеть достоверный исторический объект, но анализируем художественный образ в его *самоценности*; усадьба для нас — важный элемент мира художественного произведения, его пространственной организации, а ее атрибуты — детали предметной изобразительности, нередко приобретающие символический смысл. Биографические, искусствоведческие, историче-

³ См.: Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 9 (25). М.: Жираф, 2003. 640 с.

⁴ См.: Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 22 (38). СПб.: Коло, 2017. 614 с.

ские и социально-экономические исследования усадьбы, сами по себе бесспорно ценные, играют для нас вспомогательную роль.

В обозначенном контексте нельзя не упомянуть и сходное по структуре издание — сборник статей «Усадьба реальная — усадьба литературная», выпущенный Государственным литературно-мемориальным музеем-заповедником А.П. Чехова «Мелихово» в 2008 г. Сборник корректно поделен на краеведческий (Усадьба реальная) и литературоведческий (Усадьба литературная) разделы, последний состоит из 10 статей. Но бóльшая их часть к литературоведению имеет отношение косвенное, сосредоточившись на «усадебных» отрезках биографии П.А. Вяземского, Д.В. Веневитинова, А.П. Чехова, а также на социально-исторических аспектах русской «усадебной культуры» в связи с произведениями А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, А.П. Чехова. Усадьба как литературный образ исследуется, пожалуй, лишь в 3–4 статьях⁵.

Немногочисленные региональные издания по «усадебной» тематике тоже, как правило, содержат немного статей собственно литературоведческого характера (которые тем не менее нередко представляют серьезный научный интерес) на преобладающем фоне культурологических, краеведческих, музеологических и прочих исследований⁶.

Так что настоящую коллективную монографию «Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+» можно считать едва ли не первым системным многоаспектным литературоведческим подходом к важнейшему явлению отечественной культуры. Авторы третьего выпуска научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», задуманной и осуществляемой в ИМЛИ РАН в рамках исследовательского проекта № 18-18-00129 Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», — объединенные интересом к русской литературной усадьбе ученые из разных регионов России (Москвы, Орла, Твери, Самары, Тюмени, Оренбурга) и ряда зарубежных стран (Польши, Беларуси, Японии), в том числе члены научного коллектива проекта. Первым выпуском серии стала индивидуальная монография О.А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология» (М.: ИМЛИ РАН, 2019),

⁵ См.: *Лихтарович В.А.* «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева и «Усадьба» Джона Голсуорси // Усадьба реальная — усадьба литературная: Сб. статей / Под ред. Э.Д. Орлова, А.А. Журавлевой. Мелихово, 2008. С. 216–224; *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадьба — дом — угол» в творчестве Ф.М. Достоевского // Там же. С. 224–230; *Иванова Н.Ф.* «Ужасно я люблю все то, что в России называется именем» (Чехов и русская усадьба) // Там же. С. 251–273.

⁶ См., например: *Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты* / Отв. ред. Н.Л. Вершинина. Псков: ЛОГОС, 2015. 262 с.

в которой были определены основные параметры изучения «усадебной культуры» и намечены его главные направления: теоретико-методологическое, компаративное и междисциплинарное. Второй выпуск серии — коллективная монография «Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм» (М.: ИМЛИ РАН, 2020) — преимущественно посвящен компаративному аспекту исследования «усадебного топоса». Третий, как видим, продолжает теоретико-методологическое освоение «усадебного топоса» на материале русской прозы, поэзии и драматургии конца XIX — начала XXI в. В основу настоящего выпуска легли статьи, подготовленные докладчиками Международной научной конференции «“Усадебный топос” в русской литературе конца XIX — начала XX в.: отечественный и мировой контекст», проведенной в ИМЛИ РАН 19–23 июня 2019 г. в рамках указанного проекта РНФ.

Издание поделено на три части, причем в первых двух — наиболее объемных — анализируются аспекты изображения усадьбы и дачи в русской литературе рубежа XIX–XX вв., что объясняется приоритетной ролью этой эпохи в оформлении «усадебного мифа», изучении «усадебной культуры» и осознании ее выдающегося значения в истории России. Менее многочисленные статьи последней части, фокусирующиеся на «усадебных» текстах советских и постсоветских лет, представляются скорее заделом для будущего углубленного изучения обозначенной темы, освещающая пока лишь отдельные участки обширного исследовательского поля.

Первая часть коллективной монографии — «Усадьба и дача в русской прозе рубежа XIX–XX вв.» — открывается статьей Т.М. До Егито о творчестве А.П. Чехова, создавшего в отечественной литературе «совершенно оригинальный социально-культурный локус» благодаря совмещению эпигонски «изношенного» образа усадьбы и опозитивированной дачи⁷. В рассказе «Именины» чеховская «усадьба-дача» становится, по мысли автора статьи, композиционным перекрестком «локального бытия» и «общемировых тенденций», как будто «раскадрованным» в соответствии с принципами будущего кинематографического монтажа. Г.И. Романова сосредоточивается на жанровых трансформациях в последнем романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» и в цикле рассказов И.А. Бунина «Чернозем», сближая по параметрам поэтики текста столь разнородных в идейном отношении писателей. Е.В. Глухова в статье «“Усадебный топос” русского символизма в эго-документальной прозе Андрея Белого» продолжает разработку новаторской тенденции в литературоведческом «усадебоведении» — изучение референций «усадебного топоса» в

⁷ См.: *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. *Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* М.: РОССПЭН, 2007. С. 384, 393.

произведениях разных художественных направлений. Ранее в рамках проекта РНФ эту линию исследований проводила П.А. Ворон в своих статьях о специфике обращений к усадьбе в русском футуризме⁸. А.И. Кондратенко рассматривает «усадебный хронотоп» автобиографической прозы Бунина как категорию поэтики, обеспечивающую переход из внеэстетической действительности в мир художественного произведения. Статьи М.В. Михайловой и Е.В. Асташенко впервые поднимают тему помещицкой усадьбы в связи с творчеством полузабытых писателей О. Ольнем, В.А. Жуковской, Н.Н. Русова. Однако, наряду с введением нового материала, первостепенное значение авторы придают поэтике рассматриваемых произведений: «элегической мягкости» и одновременной парадоксальности деталей сюжетного построения у Ольнем, ирреальной зыбкости и «сновиденному измерению» в стилистике «усадебных» текстов Русова и Жуковской. Ценность статьи Н.И. Пеговой определяется впервые предпринятым тотальным тематическим просмотром ведущих журналов 1900–1910-х гг., в результате которого «усадебный текст» русской литературы обогащается ранее оставшимися в тени повестями и рассказами Д.В. Философова, Е.Г. Лундберга, Ю.П. Череды, Ю.Л. Слезкина и мн. др. Г.Ю. Карпенко и Е.Н. Эртнер обращаются в своих статьях к поэтике маргинальных вариантов усадьбы, актуализированных на рубеже XIX–XX вв., — городской купеческой и сибирской: первая видится «духовно-антропологическим» «иерархически центрированным» пространством, объединяющим «усадебный» и «евхаристический» тексты русской литературы; вторая — целым «культурным космосом», порождающим такие новые модификации «усадебного топоса», как «усадебно-завод» и «усадебно-крепость». Завершается первая часть книги статьей Л.Ф. Луцевич о финской даче Л.Н. Андреева «Белая ночь» как «топосе мечты» творческой личности, как созданном писателем произведении невербального искусства.

Вторая часть коллективной монографии — «Усадьба и дача в поэзии и драматургии рубежа XIX–XX вв.» — раскрывает перед читателем грани «усадебного топоса» в указанных родах литературы. Первые две статьи имеют новаторский концептуально-обобщающий характер: О.А. Гриневич анализирует трансформации в структуре поэтического «усадебного» сверхтекста в мотивном, коммуникативном и функциональном аспектах на стихотворном материале более чем десятка поэтов от П.Ф. Якубовича до Г.В. Иванова; М.С. Акимова исследует «поэтику звукового простран-

⁸ См.: Ворон (Скляднева) П.А. «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // *Артикульт*. 2018. № 3 (31). С. 69–78; Она же. Усадьба Мордвиновых как художественная коммуна // *Артикульт*. 2019. 34 (2). С. 103–107.

ства» образа усадьбы в поэзии Серебряного века посредством сквозного рассмотрения относящихся к ней мотивов (усадебной тишины, шипения самовара и шума деревьев в усадьбе, звуков музыки, звуков грозы и т. д.) в творчестве ряда поэтов от А.А. Фета до Н.С. Гумилева. Т.М. Жаплова, выявляя в лирике деятельного участника «усадебной культуры» К.Р. (вел. кн. К.К. Романова) аллюзии и реминисценции из «усадебного текста» русской классики, стремится при этом показать оригинальные приемы и мотивы в его творчестве. Свежим подходом к творчеству А.А. Блока отличается статья Е.В. Кузнецовой: размышляя о способах символизации национально-исторических реалий в драматической поэме «Песня судьбы», автор приходит к выводу о совмещении здесь гностического мифа (ранее обнаруженного в работах Д.М. Магомедовой, И.С. Приходько и др.) со всей сложившейся в русской литературе XIX в. «поэтосферой усадьбы», в результате чего возникает неповторимый блоковский миф о России. М.В. Скороходов открывает неожиданный ракурс «усадебной» темы, знакомя читателя с восприятием помещичьей усадьбы и художественными средствами ее воплощения в творчестве поэтов-крестьян, которые, в силу своего происхождения и имущественного положения в дореволюционной России, имели косвенное отношение к «усадебной культуре», — Н.А. Клюева, С.А. Есенина, А.В. Ширяевца, С.А. Клычкова. Две последующие статьи второй части — М.В. Строганова и Е.А. Андрущенко — посвящены теме усадьбы в драматургии рубежа XIX–XX вв.: в первой из них характерный сюжет пьес А.П. Чехова представлен как манифестация «трагизма провинциальной жизни» и сделан интересный вывод о перемещении топоса усадьбы на карте русской культуры этой эпохи от идентичности со столицей к слиянию с русской провинцией; вторая рассматривает композиционное своеобразие «усадебного топоса» в малоизвестной пьесе Д.С. Мережковского «Романтики» как двойное отражение — с одной стороны, мемуарного источника, на который драматург опирался при воссоздании «прямухинской идиллии» семьи Бакуниных, с другой — устоявшейся к этому времени в русской литературе «поэтосферы усадьбы» и сложившегося в Серебряном веке «усадебного мифа». В статье В.Э. Молодякова — последней во второй части издания — впервые в науке обобщены сведения о дачной жизни Брюсовых в пригородах Москвы и поставлен вопрос о «декадентской» модификации «дачного топоса» в литературе рубежа XIX–XX вв.

Все статьи завершающей части коллективной монографии — «Усадьба в литературе советских и постсоветских лет» — написаны на материале, который, за редкими исключениями, практически никогда не анализировался в аспекте «усадебной» тематики, так как априори считался ей чуждым. Открывается раздел двумя работами о творчестве А.Н. Толстого советских лет: М.А. Перепелкин, изучая структуру усадебного про-

странства повести «Детство Никиты», приходит к новому пониманию ее сюжетосложения — все компоненты «усадебного топоса» (сад, пруды, погребницы, скотный двор, амбары и др.) находятся «в процессе безостановочных метаморфоз», которые и составляют настоящий сюжет произведения; А.С. Акимов при анализе исторического романа «Петр Первый» обращается к изображению усадеб конца XVII в. — сельских и городских, впервые связывая детали их пространственной организации с элементами сюжетного разворачивания судеб таких персонажей, как князь Василий Голицын, дворянин Волков, выходцы из крестьян Бровкины. Поистине новаторской — и по материалу, и по способу его интерпретации — видится статья Е.Н. Строгановой о «Педагогической поэме» А.С. Макаренки: этапы восстановления юными колонистами разоренного в революционное лихолетье усадебного пространства маркируют стадии их личностного роста — таким образом, внешний и внутренний сюжеты взаимообусловлены, а «усадебный топос» становится средой формирования привлекательного внутреннего мира персонажей. Статья А.В. Маркова, написанная на материале советской поэзии 1960-х гг., с неожиданной убедительностью демонстрирует неисчерпанный инновационный потенциал русского «усадебного текста» XIX — начала XX в. в литературе другой эпохи: «усадебность» в произведениях Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского и Б.А. Ахмадулиной не просто апелляция к культурной памяти, но и ресурс назревшего обновления их поэтики. Две последние, завершающие книгу статьи — О.А. Богдановой и П.Е. Спиваковского, — возможно, впервые в отечественном литературоведении рассматривают в «усадебном» ключе литературу рубежа XX–XXI вв. В первой из них, более обобщающего характера, ставится вопрос о специфике функционирования «усадебного мифа» в культурной ситуации постмодерности: по наблюдению автора, на первой стадии ее развития — в постмодернизме — происходит деконструкция «усадебной» мифопоэтики в ряде произведений М.П. Шишкина, В.Г. Сорокина и др., на второй стадии — в метамодернизме — наблюдается ее частичная реконструкция в прозе Е.Г. Водолазкина, А.И. Слаповского и др. В статье П.Е. Спиваковского пристально изучается одно произведение Сорокина — рассказ «Настя». Ученый интерпретирует его как воплотившуюся в усадебном пространстве «многомерную метафорическую картину культуры Серебряного века», «преступившей» традиционные пределы и «вбросившей» Россию «в невероятность» экспериментов XX в. над человеческой природой. Здесь полемически акцентирована заложенная в структуре «усадебного топоса» семантико-семиотическая двойственность — идиллическое благодушие и архаическая жестокость.

Разумеется, мы далеки от мысли, что наше издание дает исчерпывающее представление об усадьбе и даче в русской литературе конца XIX —

начала XXI в. Его итоги, во многом предварительные (рассмотрение нового материала и преимущественное изучение поэтики усадебных изображений), кажутся нам менее важными, чем намеченные в нем перспективы: исследование сюжетно-композиционных, мотивных, жанровых и характерологических особенностей «усадебного топоса» в литературе рубежа XIX–XX вв., выяснение роли «усадебных» деталей и мотивов в мифологизации и символизации ключевых образов русской культуры этой эпохи, вскрытие важной для понимания культурных трансформаций XX и XXI вв. этической неоднозначности образа помещичьей усадьбы в Серебряном веке, изучение референций «усадебного топоса» в произведениях различных литературных направлений конца XIX — начала XXI в., подход к «усадебности» как ресурсу для инновационного обновления поэтики русской литературы второй половины XX в., обнаружение неисчерпанного культуротворческого потенциала «усадебного мифа» в произведениях русской литературы начала XXI в. и т. д.

Список литературы

1. *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
2. *Ворон (Скляднева) П.А.* «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // *Артикульт.* 2018. № 3 (31). С. 69–78.
3. *Ворон (Скляднева) П.А.* Усадьба Мордвиновых как художественная коммуна // *Артикульт.* 2019. 34 (2). С. 103–107.
4. *Иванова Н.Ф.* «Ужасно я люблю все то, что в России называется именем» (Чехов и русская усадьба) // *Усадьба реальная — усадьба литературная: Сб. статей / Под ред. Э.Д. Орлова, А.А. Журавлевой.* Мелихово, 2008. С. 251–273.
5. *Лихтарович В.А.* «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева и «Усадьба» Джона Голсуорси // *Там же.* С. 216–224.
6. *Макаричева Н.А.* Парадигма «усадьба — дом — угол» в творчестве Ф.М. Достоевского // *Там же.* С. 224–230.
7. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 9 (25).* М.: Жираф, 2003. 640 с.
8. *Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 22 (38).* СПб.: Коло, 2017. 614 с.
9. *Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты / Отв. ред. Н.Л. Вершинина.* Псков: ЛОГОС, 2015. 262 с.
10. *Щукин В.Г.* Российский гений Просвещения. *Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.